Е.А. ВОСТРИКОВА
ИСАА МГУ, сотрудник Международного центра корееведения МГУ
e-mail: dolihotella@hotmail.com

E.A. VOSTRIKOVA
Institute of Asian and African Studies of MSU, the International Center for Korean Studies of MSU
e-mail: dolihotella@hotmail.com

СИН САИМДАН — ЖЕНЩИНА-ХУДОЖНИК: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

SHIN SAIMDANG — WOMAN, ARTIST: BIOGRAPHY RECONSTRUCTION EXPERIENCE

Статья посвящена описанию жизни Син Саимдан (1504–1551), выдающегося корейского художника XVI в. Представлены краткая биография и истории, связанные с ее деятельностью. Син Саимдан была человеком одаренным, ее творческие интересы распространялись очень широко, она преуспела в живописи, каллиграфии, литературе, вышивании, родила семерых детей, воспитала выдающегося корейского философа и политического деятеля Ли И (Юльгока). Автор анализирует сложности, возникшие в процессе изучения творческого наследия художника. Также в статье предпринята попытка определить место художника в культурной жизни Кореи. Отдельно рассмотрен образ Син Саимдан как идеала конфуцианской женщины, процесс формирования и изменения этого образа с течением времени. Поднят вопрос о том, почему интерес к личности Син Саимдан не угасает в Корее по сей день.

The article is devoted to life and works of Shin Saimdang (1504–1551), one of the leading Korean painters of XVI century. It contains a brief biography and life stories of Shin Saimdang. She was a deeply educated and talented person, her creative interests spread widely. Shin Saimdang was good at painting, calligraphy, literature and em-

broidery. She gave birth to seven children, including Yi I (Yulgok), prominent Korean philosopher and politician. Author analyses complex issues that arise during research of the painter's heritage. An attempt is made to determine the place of the painter in cultural life of Korea. Another aspect is formation and change of Shin Saimdang's image as an ideal Confucian woman over time. A question why interest in life and oeuvre of Shin Saimdang is still keen in Korea nowadays is discussed.

Ключевые слова: Син Саимдан, Ли И (Юльгок), Ан Гён, Оджукхон, корейская традиционная живопись периода Чосон, сансудо, пхододо, чхочхундо, хваджодо, хёнмоянчхо.
Keywords: Shin Saimdang, Yi I (Yulgok), An Gyeon, Ojukheon, Korean Traditional Painting of Chosŏn period, Landscape, Grapevines, Grass and Insects, Bird-and-Flower Painting, Virtuous Wife and Wise Mother.

Настоящая статья ставит задачу изучения биографии и особенностей творческого пути Син Саимдан, которую с легкостью можно назвать одной из самых известных женщин в истории Кореи. Жила она в XVI в., была художником, литератором, каллиграфом. Мало кто из средневековых корейских художников может похвастаться таким обширным творческим наследием. Сначала все это кажется невероятным, так как наша героиня — женщина, жившая в рамках традиционного конфуцианского общества, но по мере изучения биографии Син Саимдан становится даже закономерным.

В отечественном искусствознании и кореееведении нет отдельных работ, посвященных художнику. В базовых трудах советских и российских ученых Син Саимдан упоминается у О.Н.Глухаревой [3, с. 166–167] и И.А.Толстокулакова [10, с. 100], однако детали биографии и анализ творчества отсутствуют, в других научных работах художник не фигурирует вовсе [2; 4; 7; 8]. В западноевропейском и японском искусствоведении ситуация схожая. Дело в том, что самые известные корейские коллекции в России, Японии и на Западе (петербургская Кунсткамера, московский Музей Востока, Национальный музей Японии, Музей народного искусства и Музей Нэдзу в Токио, Оксфордский университетский музей, Фицвильям-музей в Кэмбридже, музей Кью в Лондоне, музеи Лейдена и Гамбур-

га, собрание музея Гимэ в Париже, коллекция Бостонского музея изящных искусств, собрание Смитсоновского института, Метрополитен-музей в Нью-Йорке) носят в целом этнографический характер [7, с. 7–11]. С начала их формирования упор всегда делался на керамику, фарфор и буддийское искусство Кореи [17; 19; 24]. Сегодня многие искусствоведы изучают корейскую традиционную живопись, но творчество Син Саимдан если и упоминается, то только в общем контексте развития средневекового корейского искусства. Имеет значение и тот факт, что все произведения Син Саимдан по счастливой случайности остались на территории Корейского полуострова и не были вывезены в другие страны, поэтому автор статьи в своих изысканиях опирается на труды южнокорейских и северокорейских специалистов; методология изучения жизни и творчества художника свелась, в первую очередь, к структурированию обширного материала, переведенного с корейского языка.

Для понимания феномена Син Саимдан в корейской истории, культуре и живописи необходимо также сказать несколько слов о месте и роли, которые отводились женщине в период правления династии Ли (эпоха Чосон, 1392–1910). Еще в предыдущую эпоху Корё (918–1392) на Корейский полуостров в результате интенсивных контактов с Сунским Китаем проникает неоконфуцианство (соннихак 성리학 性理學 или чучжахак 주자학 朱子學, учение Чжу Си, 1130–1200), новое истолкование учения Конфуция. Как идейная система оно стало главенствующим уже в Чосоне и сформировало принципы устроения государства и межличностных отношений. Эта система пропагандировала глубокий гендерный разрыв и трактовала неравенство полов как высший законный порядок, необходимый для поддержания вселенской гармонии. Общественные и личностные взаимоотношения базировались на четкой, обязательной иерархии, которая предусматривала для каждого члена общества и семьи как его части определенное место (государь — подданный, отец — сын, муж — жена, старший — младший, отношения между равными).

Естественно, что обязанности, предписываемые мужчинам и женщинам, были разделены и строго регламентированы. Для корейской женщины сфера деятельности ограничивалась только домом (сам корейский традиционный дом был всегда разделен на женскую и мужскую половины), она не имела права вступать в какое-либо общение с мужчинами, кроме членов своей семьи, прятала лицо, выходя на улицу, да и чем реже покидала дом, тем было лучше. Основная функция — это

продолжение рода, поэтому женщина могла выступать, по сути, только в роли дочери, жены, хозяйки, матери [6, с. 106–122].

В таких условиях образование, которое получали девочки, ограничивалось навыками ведения хозяйства. В благородных семьях дочерей обучали грамоте, однако занятия литературой и живописью, которые очень поощрялись в мужской среде, для девочек считались нарушением общепринятых правил поведения. Развлекать мужчин стихами и рисованием было уделом кисэн (기생 妓生) («Кисэн — профессиональные развлекательницы, в чьи обязанности входило умение поддерживать светскую беседу, играть на музыкальных инструментах, танцевать, писать стихи, и чем выше было их мастерство музицировать, петь, экспромтом сочинять стихи в компании богатых и знатных мужчин, тем выше они ценились, тем известнее становились их имена» [5, с. 31]), поэтому даже знатные девушки крайне редко получали классическое конфуцианское образование.

Безусловно, это описание только малой части исторических реалий, на фоне которых протекала жизнь Син Саимдан, но образовательный и гендерный аспект важны в контексте данного исследования.

***

29 октября 1504 г. в городе Каннын (강릉, провинция Канвондо), что находится на Восточном побережье Кореи родилась девочка, назвали ее Син Инсон (신인손 申仁善, пон (본 本), или клановая принадлежность — Пхёнсан (평산 平山)). Она была второй из пяти дочерей конфуцианца Син Мёнхва (신명화 申命和), родилась в доме своей матери Ли Ёнъин (이용인 ?). Вокруг росло много толстого черного бамбука, отсюда пошло название дома — Оджукхон (오죽헌 烏竹軒 или Дом черного бамбука). Сегодня Оджукхон (нац. достояние № 165) — один из самых старых традиционных домов, сохранившихся на территории Кореи.

Отец девочки Син Мёнхва был потомком Син Сунгёма (신숭겸 申崇謙), высокопоставленного чиновника, сподвижника Ван Гона, основателя государства Корё. Син Мёнхва выдержал экзамен на чин, но не стал строить карьеру на государственном поприще. Его жена Ли Ёнъин также происходила из благородного рода.

Как уже отмечалось выше, в знатных корейских семьях прилагали все силы, чтобы дать самое лучшее образование сыновьям, так как сдача государственного экзамена на чин была, по сути, единственной

гарантией социального лифта в будущем, в случае же с девочками речь почти никогда не шла о глубоком, системном образовании.

В доме Син Мёнхва ситуация была иной: супруги полностью посвятили себя дочерям, в их воспитании и образовании участвовала вся семья. Например, дед по материнской линии Ли Саон (이사온 李思溫) помогал маленькой Инсон изучать конфуцианскую классику [21, с. 15]. Девочка всегда тянулась к знаниям, много читала, с шести лет начала рисовать и сразу проявила невероятный талант. Совсем юной девушкой она овладела основами живописи и каллиграфии, изучала буддийские сутры, писала стихи, была великолепна в разного рода рукоделии, делала изящные и тонкие вышивки. Тогда же она сама выбрала себе псевдоним Саимдан.

Нам известно три хо (호 號), т.е. творческих псевдонима художника: Саимдан (사임당 師任堂), Инимдан (인임당 姻姙堂), Имсаджэ (임사재 姙師齊). Самый известный из них — Саимдан (사임당 師任堂). Он состоит из трех иероглифов: Са обозначает учитель, Им — долг (иероглиф взят из имени Тай-жэнь), Тан — женщина, мать. Тай-жэнь (太任) — древняя китайская государыня, образцовая супруга, мать чжоуского Вэнь-вана (XI в. до н.э.). Прославилась государыня конфуцианскими добродетелями и особой материнской ответственностью, она уделяла огромное значение образованию в воспитании детей.

Родители гордились дочерью. Отец показывал ее картины, каллиграфию и стихи друзьям. Девушка много шила, ее рукоделие было таким красивым, что подруги и сестры часто использовали его как образец. Мать собирала вышивки Син Саимдан, рассказывала о творческих успехах гостям. Безусловно, таланты юной Син Саимдан смогли в полной мере раскрыться благодаря образованию, которое дали ей родители, и атмосфере любви и заботы, царившей в семье.

Вероятно, она была человеком открытым, готовым помогать окружающим. Существует красивая история о том, как Син Саимдан спасла бедную соседку, запачкавшую на празднике чужую, взятую на время юбку. Син Саимдан отвела женщину в тихую комнату переодеться. Юбку же она аккуратно разложила, расправила все складки и оторвала испачканный кусок ткани. Затем взяла кисть, краски и стала на нем рисовать. Забыв все тревоги и заботы, она погрузилась в мир творчества, спокойно водила кистью, пропитанной тушью. И вот на ткани появилась роскошная гроздь винограда, а пятна исчезли… Художник сказала соседке отнести рисунок на рынок. Купцы торговались, поднимали цену,

так что, продав картину, женщина смогла купить новую юбку, и у нее еще остались деньги [12, с. 85–86].

В 1522 г. восемнадцатилетняя Син Саимдан была выдана замуж за Ли Вонсу (이원수 李元秀), выходца из Ханяна (한양, старое название Сеула), чиновника, посвятившего себя государственной службе. Ли Вонсу происходил из знатной, но бедной семьи, и многие считали, что партия для девушки была не самая выгодная.

В том же году скончался ее отец, и Син Саимдан, будучи уже замужней женщиной, пришлось на время остаться в доме родителей, чтобы помогать матери и сестрам. Только в 1524 г. она уехала в Ханян к мужу, где родила своего первенца. Позднее Син Саимдан стала матерью семерых детей (у нее было четверо сыновей и три дочери). В разное время она жила с детьми в Ханяне и в родовом доме мужа в Пхаджу (파주, провинция Кёнгидо), иногда навещала милый ее сердцу Каннын.

Ли Вонсу любил жену, он признавал ее талант, как и отец художника, не препятствовал творческим занятиям, демонстрировал работы своим друзьям. Это очень важный момент, ведь так муж вовлекал Син Саимдан в сферу внешнего общения, в ином случае недоступного для нее.

И хотя со временем отношения в семье усложнились, у Ли Вонсу появилась постоянная наложница, Син Саимдан была хорошей женой и мудрой матерью, т.е. обладала высшими добродетелями, с точки зрения конфуцианской идеологии. Она поддерживала мужа, воспитывала детей в строгости и дисциплине, смогла дать им прекрасное образование и развить творческий дух.

До нас дошли истории, повествующие о материнстве Син Саимдан, они связаны в основном с Ли И (псевдоним Юльгок, 율곡 이이 栗谷 李珥, 1536–1584), третьим и самым прославленным из ее сыновей. В тридцать три года Син Саимдан во сне увидела черного дракона (чаще всего дракон в Корее — предвестник что-либо значимого и хорошего), он прилетел со стороны моря и парил над дверью ее спальни. Вскоре она опять забеременела и 26 декабря 1536 г. родила мальчика, который впоследствии стал великим конфуцианским ученым, мыслителем, политическим деятелем и реформатором [21, с. 15].

Однажды мать и сын встретили буддийского монаха, спустившегося с гор Кымгансан. Монах, увидев Хёнрёна (детское имя Ли И, 현룡 見龍), сказал следующее: «Этот ребенок станет выдающимся человеком, он несет в себе истинный конфуцианский дух. Но ему надо опасаться

встречи с тигром» [12, с. 91]. Слова монаха тронули Син Саимдан, она стала просить совета, как ей быть в такой непростой ситуации.

«Когда прилагаешь усилия, небо будет помогать тебе. Для того, чтобы воспитать в ребенке конфуцианский характер, в деревне надо посадить тысячу каштанов, и в их тени растить мальчика 10 лет. Ни один каштан не должен погибнуть. И тогда супруги увидят величайшего конфуцианского мудреца!» [12, с. 91] — так ответил монах встревоженной матери.

По легенде Син Саимдан посоветовалась с мужем, взяв Хёнрёна и остальных детей, отправилась в деревню и исполнила наставление монаха [12, с. 91–92].

Получив прекрасное образование и воспитание, все четыре сына Син Саимдан стали известными деятелями своего времени. Интересно, что младший сын Ли У (псевдоним Оксан, 옥산 리우 玉山 李瑀, 1542–1609) завоевал славу мастера каллиграфии, переняв каллиграфический стиль матери. Старшая из дочерей Мэджан (매장 梅窓) прекрасно рисовала, ее имя обозначает «Сливовое окно», и было дано девочке в честь сливы, которую так любила рисовать Син Саимдан.

Так в постоянных заботах о детях и муже прошла вся жизнь Син Саимдан. Она умерла 17 мая 1551 г. в возрасте сорока семи лет в Пхаджу в доме мужа. К сожалению, Ли Вонсу и старших сыновей не было рядом, они приехали уже после ее смерти.

Изучая биографию Син Саимдан, мы сталкиваемся с историями из ее жизни, которые выглядят часто, как вымысел, однако именно они сформировали образ художника, бытующий сегодня в обеих Кореях. И самое удивительное, что в этой типичной жизни корейской женщины нашлось место творчеству многогранному и прекрасному, поэтому хотелось бы говорить о Син Саимдан как о личности необыкновенно одаренной, которая желала и смогла реализовать себя в сфере, где у нее, казалось бы, не было никаких шансов.

***

Корейский полуостров очень рано был вовлечен в орбиту китайской цивилизации, доктрина садэджуи (사대주의 事大主義, преклонение перед Китаем) влияла на все сферы его жизни. Конечно, и живопись в Корее долгое время развивалась по образцам классической китайского искусства. Концепция мобанджуи (모방주의 模倣主義, подражательство или копирование) в дальневосточной традиции истолковывается как

волшебный акт, призванный воплотить в реальность то прекрасное, что нарисовано на картине, некий диалог между мастерами во времени. Именно так она была воспринята и корейскими художниками.

В эпоху Чосон существовало две группы, которые формировали художественную культуру этого периода. Первая группа — хвавоны (화원 畫員), профессиональные придворные художники (обычно выходцы из чуньинов (중인 中人), средних слоев корейского общества), которые обучались, а затем работали в стенах Тохвасо (도화서 圖畫署) королевской Академии живописи. В период Чосон деятельность Тохвасо охватывала сферы придворной живописи и обучения художников их ремеслу. Академия находилась под контролем Палаты церемоний Еджо (예조 禮曹), ведавшей вопросами церемоний, образования и дипломатии. Художники Тохвасо выполняли все виды художественных работ, необходимых для государственных ритуалов и нужд правящего дома [23, с. 30–31]. Хвавоны также поддерживали тесные связи с корейской элитой, удовлетворяя и их эстетические запросы. Вторую группу составляли образованные чиновники (ученые-конфуцианцы) мунины (문인 文人), они были скорее любители и через рисование воплощали свои творческие амбиции. Это культурное явление в китайской традиции именуется вэньжэньхуа, в корейском чтении — мунинхва (문인화 文人畫), т.е. «живопись образованных людей». «Мастера этого круга принадлежали к высшему привилегированному сословию. Среди них были высокопоставленные сановники и даже члены королевского рода. Живописью они занимались на досуге, “для себя”. Целью, мотивацией их творчества была “саморадость”, свободное выражение движений души» [4, с. 66].

Именно взаимовлияние этих двух художественных сил привело к самому активному развитию живописи в истории Кореи. В высших слоях общества способность созидать прекрасное, умение ценить живопись и каллиграфию, писать стихи стали мерилом уровня утонченности и вкуса образованного человека. По этой причине в Чосоне появилось большое количество хороших художников. Массово создавались картины, писалась каллиграфия. Данный культурно-исторический процесс отражен в многочисленных документах, однако важно понимать, что значимых произведений искусства сохранилось не так много, а реальные шедевры средневековой корейской живописи можно пересчитать по пальцам.

За Син Саимдан закрепился статус женщины-художника периода Чосон, причем, по сути, единственной женщины. По-корейски

ее часто называют мунин, хотя термин ассоциируется, в первую очередь, с мужчинами. Творчеством она занималась на досуге по зову души и сердца.

Количество произведений, дошедших до нас, — приблизительно сорок работ в цвете и туши (включая каллиграфию и вышивки), и это, повторимся, очень много для Кореи XVI в. Син Саимдан писала в следующих жанрах: сансудо (산수도 山水圖, пейзажная живопись), пхододо (포도도 葡萄圖, изображение винограда), чхочхундо (초충도 草蟲圖, травы и насекомые), хваджодо (화조도 花鳥圖, цветы и птицы), также она рисовала сагунджа (사군자 四君子), или четыре благородных растения (бамбук, сливу в цвету, орхидеи, хризантемы, которые символизировали чистоту, красоту, благородство и стойкость), и рыб.

Самым сложным как в китайской, так и корейской живописи считалось изображение человека, поэтому портреты были прерогативой профессиональных художников, также высоким стилем всегда признавался пейзаж. Безусловно, профессиональные художники, как и любители мунины, не ограничивали себя только одним жанром, однако, внутренняя иерархия и градация стилей всегда существовала.

Современные южнокорейские исследователи видят в многообразии жанров художественного наследия Син Саимдан серьезную проблему для научных изысканий. Картины, которые так хорошо чувствуют рядовые любители живописи, ставят специалистов в тупик. Их стилистическая разница столь велика, что вопрос авторства остается открытым. Надо понимать, что, когда мы говорим о творчестве художника, чаще всего точных, стопроцентных доказательств авторства нет, есть только факты, косвенно подтверждающие, что это ее работы [13, с. 26].

Также нельзя забывать, что Син Саимдан была матерью семерых детей, оставила после себя литературное наследие и умерла всего в сорок семь лет. Предположение, что она не могла быть полностью сконцентрирована только на рисовании, выглядит вполне обоснованным. Однако никто из специалистов не отрицает тот факт, что ее картины были любимы современниками, оказали огромное влияние на эстетические воззрения последующих поколений, и остаются актуальными для культурной жизни Кореи сегодня.

Попытаемся разобраться, в чем кроются основные сложности в изучении произведений Син Саимдан, обратимся к сведениям о художнике и ее картинах, оставленным современниками.

«У матери был особенный талант к рисованию. С семи лет она копировала стиль Ан Гёна, ее пейзажи удивительны. Также прекрасно она рисовала виноград. Ее ширмы и свитки стали известны по всему свету. Мир не сможет этого повторить» [цит. по: 13, с. 27], — так Ли И писал о матери в посмертных записях хэнджан (행장 行狀), воспевая ее творчество. (Ан Гён (псевдонимы Хёндонджа и Чугён, 현동자 (주경) 안견 玄洞子 (朱耕) 安堅, (?–?)) — прославленный художник XV в., был известен своими пейзажами, его картины считаются одной из вершин средневековой корейской живописи [1, с. 64–67].)

Многие ученые-конфуцианцы также восхищались талантом Син Саимдан. Со Сеян (псевдоним Янгок, 양곡 소세양 陽谷 蘇世讓, 1486–1562) говорил о пейзажах художника: «Чудесные впечатления и искусная техника, уловить и повторить такое сложно» [цит. по: 13, с. 27].

Современник Син Саимдан О Сукквон (псевдоним Яджоктан, 야족당 어숙권 也足堂 魚叔權, первая половина XVI в., ?–?) писал следующее: «Особенно великолепны виноград и пейзажи Син Саимдан. Кто сможет критиковать такие потрясающие картины, и кто скажет, что такая работа не подходит женщине?» [цит. по: 13, с. 27].

Мы видим, что репутация Син Саимдан как художника была велика уже при жизни, и со временем она только укреплялась.

Однако никто из современников не уделил должного внимания картинам в стиле травы и насекомые, которые особенно хорошо известны в наши дни, в приведенных выше цитатах нет ни одного упоминания о них. Как объяснить общепринятое мнение, что Син Саимдан прекрасно рисовала именно чхочхундо, и почему оно сегодня так распространено в литературе?

Впервые о произведениях Син Саимдан в стиле травы и насекомые уже в XVII в. написал Сон Сиёль (псевдоним Уам, 우암 송시열 尤庵 宋時烈, 1607–1689), ярый неоконфуцианец, ученик и последователь школы Ли И (Юльгока): «Эти картины нарисовала госпожа Син, жена Ли Вонсу. Невозможно поверить, что рисунки созданы рукой человека, настолько они естественны. В живописи она достигла истинной гармонии, найдя квинтэссенцию пяти элементов и собрав гармонию жизненной энергии. На самом деле она могла дать жизнь Учителю Юльгоку!» [цит. по: 13, с. 27–28].

Для Сон Сиёля Син Саимдан — выдающийся художник, но ее статус женщины, подарившей жизнь Учителю Юльгоку, намного важнее.

С его точки зрения, картины, выполненные в стиле травы и насекомые, подходят образу хорошей жены и мудрой матери гораздо больше, чем картины в высоком стиле пейзажа. Влияние Сон Сиёля в образованных чиновничьих кругах было настолько велико, что многие стали воспринимать Син Саимдан и ее творчество именно так, как хотел он, а картины художника в стиле чхочхундо заняли важное место в корейской средневековой живописи (еще раз подчеркнем, не как при ее жизни), т.е. перед нами прекрасный пример сознательного смещения акцентов и исторической манипуляции фактами.

Со временем увеличилось количество тех, кто любыми путями хотел заполучить произведения Син Саимдан. Для конфуцианцев ее картины стали играть роль герба, подтверждающего статус и достоинство семьи. Многие художники подражали Син Саимдан, рисовали в ее манере, копировали работы в стиле чхочхундо, что в целом соответствует правилам художественного процесса на Дальнем Востоке. Но так как денежная ценность картин росла, стали массово появляться подделки, подписанные (!) именем Син Саимдан. И это еще одна из причин, по которой работы в стиле травы и насекомые стали считаться самыми значимыми в ее творчестве.

***

Сегодня на Корейском полуострове сформировался особый образ Син Саимдан. Для понимания ее места в корейской истории важно, что художник достигла известности еще при жизни и в полной мере реализовала свои творческие амбиции. Можно говорить, что ей повезло с родителями, мужем и сыном, и это будет справедливо, но только врожденный талант и невероятная харизма сделали Син Саимдан лучшей корейской женщиной-художником. Ведь в патриархальном конфуцианском обществе периода Чосон быть образованным, быть художником, получить признание как поэт или каллиграф почти всегда мог только мужчина. История нашей героини демонстрирует, что человеческий дух способен превзойти социальные рамки и правила своего времени. Она создала собственный уникальный мир и стала вдохновительницей для поэтов и художников последующих поколений, когда такое, казалось, женщине было не под силу.

Более чем через пять веков после смерти Син Саимдан продолжает быть широко почитаема в обеих частях Корейского полуострова. Она

вошла в историю не только как выдающийся художник, но стала воплощением идеала конфуцианской женщины и понятия хёнмоянчхо (현모양처 賢母良妻) — «мудрая мать и добрая жена» [6, с. 106–122]. В 1969 г. в Южной Корее учредили премию имени Сим Саимдан, целью ее является поощрение домохозяек, которые успешно совмещают воспитание детей и творческую деятельность. Часто Син Саимдан в глазах современных корейцев предстает сначала как идеальная дочь, жена, мать, потом женщина, вышедшая за рамки системы, и только в третью очередь — художник.

Мы не знаем, как на самом деле выглядела Син Саимдан, но существуют два, можно сказать, канонических портрета художника, именно так визуализировали ее в Южной Корее. Портрет Син Саимдан художника Ким Ынхо (псевдоним Индан, 이당 김은호 以堂 金殷鎬, 1892–1979) (рис. 1) написан по всем правилам традиционного парадного кон-

Рис. 1. Ким Ынхо, «Официальный портрет Син Саимдан», (신사임당 표준영정), шелк (?), водяные краски, техника чхэсэк, 140 × 85 см, 1965 г., Городской музей Оджукхон, (강릉시오죽헌, 시립박물관), Каннын

Рис. 2. Ли Джонсан, «Портрет Саимдан» (사임당 초상), 2009, 조선일보 DB, Сеул. (более подробных данных не обнаружено)

Рис. 3. Денежная банкнота Республики Корея достоинством 50000 вон

фуцианского портрета, который может использоваться для поминальных обрядов.

Художник Ли Джонсан (이종상 р. 1938) изобразил Син Саимдан по-другому (рис. 2), и именно этот портрет появился в 2009 г. на новой денежной банкноте Республики Корея достоинством 50000 вон. Выбор стоял между Ким Гу (псевдоним Пэкпом, 백범 김구 白凡 金九, 1876–1949), политическим деятелем периода японской колониального режима, и Син Саимдан. Совершенно очевидно, что конкурент у художника был очень сильный, но после консультаций с правительством Банк Кореи принял решение, что Ким Гу когда-нибудь появится на банкноте в 100000 вон [20, с. 22]. На купюре помещены изображения художника и ее винограда (рис. 3). По официальному заявлению Банка Кореи, Син Саимдан была выбрана не только как прославленный художник, поэт, каллиграф, но и потому, что она смогла превозмочь жесткие ограничения, которые накладывало на женщину традиционное конфуцианское общество.

Сегодня южнокорейское общество предпринимает немалые усилия для нивелирования гендерного дисбаланса, и фигура Син Саимдан как нельзя лучше подходит для пропаганды в этом направлении. Интерес к личности Син Саимдан переживает в РК подъем: снимаются фильмы, пишутся книги, изучается творческое наследие. В КНДР образ эксплуатируется не так активно, но Син Саимдан там тоже почитаема и уважаема. И это замечательно, когда такая достойная женщина становится ориентиром для целого поколения.

Список литературы:

1. *Ан Хви-чжун.* Путешествие принца династии Чосон в Страну цветущих персиковых садов // Koreana. Корейское искусство и культура. — 2011. — Т. 7. — № 1. — С. 64–67.

2. *Виноградова Н.А.* Корея // Малая история искусств. Искусство стран Дальнего Востока. — Москва, 1979.

3. *Глухарёва О.Н.* Искусство Кореи с древнейших времён до конца XIX века. — Москва, 1982.

4. *Елисеева И.А.* Искусство и культура Кореи. Путеводитель по постоянной экспозиции. — Москва: Государственный музей Востока, 2010.

5. *Касаткина И.Л.* Тоскую о милом (Из средневековой женской поэзии в жанре сиджо) // Корейская литература в России. Том 1. — Москва: Издательский центр ИСАА при МГУ, 2003. — С. 30–36.

6. *Ким Н.Н., Хохлова Е.А.* Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современности // Восток. — 2017. — № 3. — С. 106–122.

7. *Киреева Л.И.* Статьи по искусству Кореи: сборник избранных статей и заметок. — Магнитогорск: МаГУ, 2006.

8. Корейское классическое искусство // Сборник статей. — Москва, 1972.

9. *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи. — Москва: РГГУ, 2012.

10. *Толстокулаков И.А.* Очерк истории корейской культуры / Учебное пособие. — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002.

11. *Хан Ёнъу.* История Кореи: новый взгляд // Хан Ёнъу; перевод с корейского; под редакцией М.Н.Пака. — Москва: Восточная литература, 2010.

12. 강명석, 리경수. 우리 민족의 옛 미술가들 (Кан Мёнсок, Ли Кёнсу. Старые художники Кореи). — Пхеньян: Пхёньянчхульпханса, 2009.

13. 백인산. 우리 문화와 역사를 담은 엣 그림의 아름다움. 간송미술36_회화 (Пэк Инсан. Красота старинных картин, повествующих нам о корейской культуре и истории. 36 шедевров музея Кансон). — Сеул: Кхольчхокырапхо, 2016.

14. 조용진. 풀과 벌레를 즐겨 그린 화가 신사임당 (Чо Ёнджин. Син Саимдан — художница, которая рисовала травы и насекомых). — Сеул: Орини мисульгван, 2008.

15. 한국 민족문화 대백과 사전 (Большая энциклопедия корейской национальной культуры. Тома 1–27). — Сеул: Хангук чонсинмунхва ёнгувон, 1997.

16. 화훼영모 – 자연을 품다 (Цветы, птицы и животные в корейской традиционной живописи). — Сеул: Кансонмисульмунхвачэдан, 2015.

17. Arts of Korea. The Metropolitan Museum of Art. — New York, 1998.

18. Dictionary of Korean Art and Archaeology. 한국문화재용어사전. — Seoul: Edited by Roderick Whitfield, Hollym, 2004.

19. Korean Arts of the Eighteenth Century: Splendor and Simplicity. — New York: Edited by Kim Hongnam, The Asia Society, 1993.

20. *Lee Se-mi*. Korea's Own Renaissance Woman: Shin Saimdang // Korea People & Culture. — 2011. — Vol. 7. — № 2. — P. 22–23.

21. Mother of Great Scholar Yi Yulgok Lady Saimdang, a Prominent Poet and Painter // Korean Heritage. Cultural Heritage Administration. — 2016. — Vol. 5. — № 2. — P. 14–17.

22. *Park Youngdae*. Essential Korean Art from Prehistory to the Joseon Period. — Seoul: Heonamsa Publishing Co., 2004. — P. 118–121.

23. Traditional Painting. Window on the Korean Mind. Korea Essentials No. 2. — Seoul: The Korea Foundation, 2010.

24. Treasures from Korea: Art Though 5000 Years. — London: Edited by Roderick Whitfield, British Museum Publication, 1984.